

- ³⁴ Мещанин В. Н. Болдырев избирался гласным на 1871–1886 и 1891–1892 гг.
- ³⁵ Мещанин, кабатчик Г. И. Дашковский избирался гласным на 1883–1886 и 1887–1890 гг.
- ³⁶ Саратовский дневник. 1886. № 277. 24 дек. С. 2; № 280. 30 дек. С. 2.
- ³⁷ Там же. 1891. № 8. 10 янв. С. 3; № 15. 17 янв. С. 3.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 858. Л. 79–100; Д. 893. Л. 166–183; Саратовский дневник. 1891. № 19. 23 янв. С. 2.
- ³⁹ Права купеческого состояния получали те, кто приобрел гильдейское или купеческое свидетельство и при этом уплатил все повинности по прежнему званию. Лица, не исполнившие последнего условия или пожелавшие остаться в прежнем звании, именовались «временными купцами».
- ⁴⁰ Булычев М., Максимов Е. Купцы Вакуровы // Степные просторы. 1995. № 4–5. С. 30.
- ⁴¹ См.: Список лицам, имеющим право быть городскими избирателями на основании 17 ст. Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. городского положения. (1871–1874). [Саратов, 1870].
- ⁴² ГАСО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 88. Л. 36.
- ⁴³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1988. Л. 117 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 38.
- ⁴⁵ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1988. Л. 35–36; Саратовские губернские ведомости. 1875. № 12. С. 1; 1879. № 8. С. 1; 1883. № 11. С. 1; 1891. № 12. С. 1; Саратовский дневник. 1887. № 19. 24 янв. С. 1.
- ⁴⁶ См.: Список обывателям г. Саратова... 4-го четырехлетия. (1883–1886 г.). Саратов, 1882.
- ⁴⁷ См.: *Горизонтов И. П.* Указ. соч. С. 96.
- ⁴⁸ *Воронежцев А. В.* Указ. соч. С. 36.
- ⁴⁹ Подсчитано по источникам, указанным к табл. 1 и 3.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 87. Л. 2, 35, 42; Д. 88. Л. 6, 36 об.
- ⁵¹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 467. Л. 54; Д. 648. Л. 32, 53.
- ⁵² См.: *Славин И. Я.* Указ. соч. С. 104.
- ⁵³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 857. Л. 56.
- ⁵⁴ В данной работе анализируются только списки избранных на каждое четырехлетие гласных. Однако необходимо отметить, что в течение каждого периода в составе думы происходили изменения: некоторые гласные выбывали по разным причинам, а их место занимали другие лица из числа избранных кандидатов. Такие изменения были незначительны (как правило, 3–4 человека в каждое четырехлетие) и поэтому при анализе состава думы не учитываются.
- ⁵⁵ В связи с избранием на должность председателя саратовского городского съезда мировых судей сложил с себя полномочия гласного городской думы в 1891 г. (ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 894. Л. 68).
- ⁵⁶ Здесь и далее указываются даты четырехлетий, на которые был избран тот или иной человек.
- ⁵⁷ Умер через несколько дней после выборов 1882–1883 гг.
- ⁵⁸ В июле 1885 г. скрылся из города. (ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 28).
- ⁵⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1988. Л. 35–36; Саратовские губернские ведомости. 1875. № 12. С. 1; 1879. № 8. С. 1; 1883. № 11. С. 1; 1891. № 12. С. 1; Саратовский дневник. 1887. № 19. 24 янв. С. 1.
- ⁶⁰ Подсчитано по источникам, указанным к табл. 3.
- ⁶¹ Саратовские губернские ведомости. 1883. № 11. С. 1.
- ⁶² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 647. Л. 4.
- ⁶³ Вскоре после выборов 1878 г. отказался от звания гласного.
- ⁶⁴ Помимо кровного родства были и другие родственные связи. Так, например, И. Я. Славин был женат на племяннице В. Д. Вакурова, а В. С. Пономарев (1891–1892) – на дочери И. И. Мордвинкина (1871–1878) и сестре Ф. И. Мордвинкина (1883–1886).
- ⁶⁵ Саратовский дневник. 1887. № 12. 16 янв. С. 3.

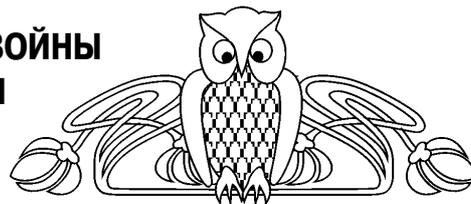
УДК 9(470) «18»

КАВКАЗСКИЙ ТЕАТР РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕМУАРНОГО НАСЛЕДИЯ

С.А. Кочуков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: KochukovSA@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты мемуарного наследия о Кавказском театре Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор анализирует воспоминания Г.К. Градовского, Ф.Э. Штоквича, Н.П. Бетлинга, М.М. Поземковского, о которых в исследовательской литературе встречаются лишь единичные упоминания. В мемуарах показаны просчеты и ошибки русского командования, героизм русского солдата, представления о войне с точки зрения простых ее участников: офицеров в невысоких армейских чинах, рядовых солдат, врачей, сестер милосердия и др.

The Caucasian Seat of the Russo-Turkish War in 1877–1878: Some Aspects of the Memoir Heritage

S.A. Kochukov

The article explores some aspects of the memoir heritage concerning the Russo-Turkish War in 1877–1878 on the Caucasian seat of war. The author analyses the memoirs of G.K. Gradovskii, F. A. Shtokvich, N.P. Betling, M.M. Pozemkovskii, rather seldom mentioned in research literature. The memoirs reveal miscalculations and faults of the Russian headquarters, heroism of the Russian soldier, the War in terms of its ordinary participants: junior officers, privates, doctors, nurses, etc.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. явилась важнейшим историческим событием второй половины XIX столетия. В результате действий русской армии при непосредственной поддержке болгарских добровольцев балканские народы получили долгожданное освобождение от османского ига. Безусловно, балканское направление в войне 1877–1878 гг. было доминирующим. Однако и на Кавказе с началом боевых действий разыгрались нешуточные сражения, что повлияло на развитие конфликта между Россией и Турцией.

В ходе войны и после ее окончания в большом количестве вышли в свет разнообразные воспоминания и дневниковые записи. Социальная принадлежность авторов была весьма различной, от простых солдат и офицеров до представителей министерского корпуса.

В определенной степени Кавказскому театру войны не повезло. Дело в том, что «основные» мемуаристы¹, то есть те, которых отечественные историки так любят досконально разбирать в своих исследованиях, волею судеб оказались на Дунае. И хотя в общем контексте изложения событий многие авторы мемуаров и касались кавказских дел, но до полной характеристики событий войны им было далеко. Это, конечно, не означает, что не существовало источников личного происхождения о Кавказском театре войны, их достаточно много. Но специалисты по войне 1877–1878 гг., как правило, ими пренебрегают или в лучшем случае упоминают в общем списке. Тем не менее анализ мемуарной литературы о борьбе на Кавказе поможет представить общую картину войны.

Важное место в изучении Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказе занимают воспоминания Г.К. Градовского². Григорий Константинович Градовский был одним из наиболее популярных военных корреспондентов. Военные корреспонденты появились в России сравнительно поздно. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была первым событием, где русская печать имела своих представителей. В Крымской кампании 1853–1856 гг. корреспонденты Н.В. Берг, М.П. Погодин и другие присутствовали в боевых частях полулегально, на свой страх и риск, поскольку их в любой момент могли объявить вражескими агентами.

Штаб Действующей армии разработал специальные правила поведения для будущих корреспондентов³. Автор их – М.А. Газенкамф – был противником присутствия «газетчиков» на театре боевых действий, но вследствие «потребности как нашей, так и западно-европейской публики иметь своевременно сведения о ходе войны и невозможность избежать гласности, т.к. если корреспонденты не будут допущены в армию, все же найдут возможность следить за нею издали и сообщать о ней слухи, вместо достоверных сведений»⁴. Вынужден был подчиниться этим правилам и Градовский.

Начало Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. совпало с его личным несчастьем. Дело в том, что Градовский в 70-х гг. XIX в. издавал газету «Русское обозрение», но после трех официальных предупреждений цензоров выход данного периодического издания был приостановлен на шесть месяцев⁵. Позже Григорий Константинович вспоминал: «Обезоруженный, приговоренный к молчанию и бездействию в то горячее время, когда не только публицист, но всякий мыслящий человек жаждет печатного слова и обмена мыслей, я не в силах был сидеть, сложа руки. Я решил отправиться на театр войны и с этой целью предложил редакции «Голоса» быть ее военным корреспондентом»⁶.

Современники относили Градовского к среде либералов, но отмечали, что ему не свойственны высокомерие и презрительность к военной среде – «военщине». К тому же, будучи государственным чиновником, он никогда не смотрел на армию как на институт насилия. Именно с таких позиций Григорий Константинович собирался освещать события Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В отечественной историографии бытует мнение, что материалы военных корреспондентов были предложены лишь с «ура-патриотических» позиций и в них нет ни анализа боевых действий, ни сколько-нибудь примечательных наблюдений. Подобного рода утверждениями особенно грешат исследования В.А. Золотарева⁷. Безусловно, Градовский писал свои корреспонденции с позиций человека XIX столетия, в его материалах четко виден человек, любящий свою родину, и то, что современным исследователям кажется «бесполезным словоблудием», было для Григория Константиновича истиной. В своих корреспонденциях⁸ Градовский отмечал: «В первый раз русская печать получила возможность иметь своих корреспондентов на театре войны. Это – глаза и уши общества, а отчасти и всего государства. Чем быстрее, вернее и подробнее освещаются события, тем живее и непосредственнее поддерживаются связи народа с армией, тем шире и глубже проявляются патриотические чувства, тем лучше уход за ранеными, тем обеспеченнее участь инвалидов, тем более растет число приверженцев хорошего мира и плодотворного внутреннего развития, для упрочнения общего порядка и благоденствия»⁹. Фактически Градовский был свободен в выборе приоритетов освещения боевых действий, хотя многие офицеры русской армии боялись со стороны печати неосторожных слов¹⁰. Корреспондент расценивал свою миссию и с позиции разоблачения фальшивых сведений о «зверствах русской армии» (здесь и далее курсив мой. – С.К.). Дело в том, что перед началом и в ходе самой войны турецкая пресса рисовала русских солдат «почти людоедами», в отличие от турок, которые несли просвещение и цивилизацию народам Кавказа. Преодолеть такие убеждения было нелегко, но

это была одна из задач военных корреспондентов. Градовский прекрасно осознавал, что военная корреспонденция как таковая явление для России фактически новое, но полагал, что «...военные корреспонденты имеют одинаково важное значение, как в интересах общества, так и в интересах армии, которая неразрывными узами связана с этим обществом. Подчиняя корреспондентов известным, довольно строгим условиям, возлагая на них большую ответственность, военное начальство будет оказывать тот *minimum* внимания, если не попечения, на который вправе рассчитывать не только офицер или солдат, но каждый подводчик, маркитант или другое лицо, тем ли другим путем связанное с армией или вынужденное искать в ней приюта и покровительства»¹¹.

Конечно, Градовский не имел опыта работы корреспондентом в военно-полевых условиях, но его печатные материалы, как, впрочем, и корреспонденции других газетчиков, сыграли значительную роль в ознакомлении широких слоев общества с событиями войны, ближе познакомили российского читателя с народами Кавказа.

Помимо изображения бивачной жизни Градовский одним из первых в русской литературе поднял вопрос об отношении местного населения к русским. Это особенно показательно в описании путешествия по Армении: «Уже два года эта часть Малой Азии, составляющая продолжение нашей Армении, завоевана была русской кровью; два раза значительная часть местного населения встречала радушно русские войска и русскую власть; но два раза надежды их были обмануты: и после 1828 года, и после войны 1853–1856 годов они снова подпадали под деспотизм турецкого владычества, вымещавшего свои военные неудачи на всех, кто только расположен к России. Будет ли обмануто это население и в третий раз? Одно довольно видное лицо из армянского духовенства высказало свой упрек, что и русская печать, и русское правительство забыли, будто бы, что христиане существуют и в Малой Азии, что христиане эти не менее славян угнетаются и гораздо более их мечтают о присоединении к России»¹². Эти строки, безусловно, примечательны в историческом отношении. Григорий Константинович впервые поднимает армянский вопрос для русского общества, «дотоле чуждый ему, но, пожалуй, и сознанию западноевропейских народов»¹³.

Военные корреспонденции Градовского полны живых батальных картин, портретов и характеристик офицеров и генералов, сцен лагерной и походной жизни. Это более всего относится ко второй главе воспоминаний Градовского, которые во время войны выходили отдельными корреспонденциями¹⁴.

Одна из главных заслуг Григория Градовского состоит в том, что его корреспонденции

были практически лишены пренебрежительного отношения к туркам, как «в дни успехов нашего оружия, так и в дни неудач, когда одна формула «шапками закидаем», сменялась другой – «все пропало»¹⁵. «Шаткозакидательские настроения» в русской армии были сильны особенно в начальный период войны, этим грешили и некоторые военные корреспонденты, например кн. Л.В. Шаховской, который посвятил описанию «праздника» предстоящей войны с турками целую главу¹⁶. Постепенно у многих корреспондентов, и в том числе у Градовского, подобные иллюзии рассеялись, появилось «более верное понимание вещей, нежели во всех тех “страхах и ужасах”, которыми многие преисполнены в настоящее время»¹⁷. Кроме того, Градовский постоянно подчеркивал в своих корреспонденциях, что главным врагом русской армии являются не столько турки, сколько собственная беспечность и слухи. Именно последние проводили в русских рядах поистине опустошительное действие¹⁸. Причем Григорий Константинович считал, что от слухов страдает русская печать, так как ее обвиняют, во-первых, в их распространении и, во-вторых, в том что «правды нельзя печатать, а отсюда один шаг к заключению, что печатается только ложь»¹⁹.

Корреспондент Григорий Градовский отошел от стереотипного понимания войны как таковой, с неизменными битвами и описаниями подвигов. Наибольший интерес военного корреспондента вызвала деятельность санитарной части и деятельность общества Красного Креста. Практическая деятельность последнего не вызвала нареканий²⁰, что подчеркивает и Градовский: «Госпитали общества «Красного Креста» и военновременные находились в отличном состоянии...»²¹, но это справедливо было лишь для тыловых организаций. На переднем крае дела обстояли не блестяще. В частности, в Александрополе, куда Градовский сделал вылазку, состояние санитарной части было поставлено из рук вон плохо: «Отдавая должную справедливость тому, что совершено кавказским отделом «Красного Креста» в Александрополе, к сожалению, следует признать, что совсем иные заключения приходится сделать об общей его деятельности на здешнем театре войны. Под Ардаганом раненые валялись неподобранные, без перевязки, в течение целой ночи и многие попали на перевязочный пункт к пяти часам по полудни следующего дня. Присутствие «Красного Креста» не было замечено»²². И такие случаи были не единичны²³. Причины отсутствия общества Красного Креста, по мнению Градовского, были совершенно типичны: нехватка денежных и перевязочных средств, а главное, нехватка специалистов. Действительно профессиональных военных врачей было во второй половине XIX в. немного, поэтому армии приходилось в большей степени доволь-

ствоваться услугами добровольцев-волонтеров, а среди последних было немало авантюристов, которые подрывали авторитет санитарных отрядов. В данном случае заслуга Григория Градовского состояла в том, что он первый из русских военных корреспондентов так остро поставил вопрос о помощи жертвам войны.

Большинство русских полковых командиров относились к военным корреспондентам хорошо, но встречались исключения. При посещении группой корреспондентов отряда Тергукасова²⁴ генерал и его начальник штаба Филиппов не только не оказали Градовскому и его коллегам-корреспондентам обычного гостеприимства, но даже условных приличий²⁵. Григорий Константинович писал в своих корреспонденциях: «В этом отряде к нам отнеслись с такой степенью враждебно, что мы (корреспонденты. – С.К.) сочли за благо учинить постепенную «ретираду»²⁶. Однако это не помогло и командование Эриванского отряда запретило корреспондентам «впредь до особого разрешения следовать за войсками»²⁷.

Постепенно на Балканах и на Кавказском театре боевых действий отношение командования к газетчикам изменилось в худшую сторону. Поводом прикрытия действий военных корреспондентов стали публикации П.П. Сокольского в газете «Голос», в которых он писал о недостатке сена и хлеба в армии, о негодных сухарях²⁸. В августе 1877 г. та же газета на своих страницах писала о недостатке врачей и плохом питании раненых²⁹. Последующие за этим разоблачительные статьи в «Незнакомце» и «Санкт-Петербургских ведомостях» встревожили начальство настолько, что командующий Действующей армией великий князь Николай Николаевич старший обратился к императору Александру II с официальной просьбой оградить армию от военных корреспондентов «с их недоброжелательными и вредными направлениями»³⁰. Результат не заставил себя долго ждать. Первоначально из Кавказской армии были высланы все корреспонденты газеты «Голос» за исключением Григория Константиновича Градовского, с октября 1877 г. все оставшиеся в армии газетчики должны были подписывать свои материалы настоящей фамилией, не используя псевдонимы.

Григорий Градовский намеревался после окончания войны возобновить издание своей газеты «Русское Обозрение», где думал публиковать те материалы, которые не вошли в официальные корреспонденции, а так же подготовить отдельным изданием те материалы, которые уже были опубликованы в прессе. «Корреспонденции эти имеют много пробелов, с которыми хочется покончить», – писал Градовский Апушкину³¹.

Массовый дебют русских военных корреспондентов в годы Балканского кризиса, несмотря

на все столкновения и непонимание со стороны как военного руководства Действующей армии, так и правительства страны, был чрезвычайно удачным. После 1877–1878 гг. такие представители газет, как Г.К. Градовский, А.Д. Иванов, В.В. Крестовский, В.И. Немирович-Данченко, Л.В. Шаховской стали известны всей России. Каждый из них по-своему излагал ход боевых действий и внутреннее состояние российских вооруженных сил, у всех был свой индивидуальный подход к войне 1877–1878 гг., но любой из военных корреспондентов мог подписаться под словами Градовского: «У корреспондентов есть душа, она не менее русская, чем у военных... Семейных дел ни один уважающий себя корреспондент не станет выносить наружу. Они его не интересуют. Корреспондента может и должно занимать только то, что составляет общественный интерес, на что он обязан обращать внимание общества, государства, правительства... Идеал военного корреспондента дать публике возможность жить всецело с армией, радоваться ее радостям, горевать ее горе, поддерживать ее единение, тот дух, который должен господствовать и в народе, создающем армию, и в армии, вышедшей из народа»³².

Интересным документом по истории Русско-турецкой войны на Кавказском театре являются воспоминания Федора Эдуардовича Штоквича³³ об обороне турецкой крепости Баязет³⁴. Из достаточно скудных сведений о руководителе Баязетского сидения известно, что Федор Штоквич происходил из дворян Тифлисской губернии, начал военную службу в Эриванском полку, после Крымской войны 1853–1856 гг. за отличие в сражении с турками под Баяндуром произведен в подпоручики, а после окончания войны в августе 1859 г. принимал участие в экспедиции по пленению Шамиля в Гунибе.

После освобождения из Баязета Штоквич активно давал интервью газетам, а его сослуживец полковник В.М. Антонов на свои средства издал три брошюры, в которых записал рассказы самого коменданта крепости, его донесения и приказы. В этих воспоминаниях Федор Эдуардович предстает как руководитель обороны. Более того, на первый взгляд воспоминания Штоквича не выделяются из общего числа подобных мемуаров. Подробное описание батальи, высказывание чуть ли не на каждой странице великодержавных настроений и т.д. Но вместе с тем штоквичские материалы, представленные Антоновым, при детальной разработке можно рассматривать как своего рода фальсификацию и искажение истины.

Эриванский отряд, куда входили части будущей баязетской обороны, перешел русско-турецкую границу 17 апреля 1877 г. и сразу двинулся на Баязет. Турецкий гарнизон крепости состоял всего из 1,5 тыс. чел. пехоты и 500 кавалеристов. Несмотря на такие скромные силы, турки

рассчитывали задержать здесь русских, причем существовал специальный приказ, где под страхом смерти запрещалось сдавать крепость неверным³⁵. Но победа досталась русским. Оставив в Баязете для охраны тыла небольшой отряд во главе с подполковником А.В. Ковалевским, Эриванский отряд продолжал развивать свое наступление на Ардаган. Однако турки постепенно начали перехватывать стратегическую инициативу у русских. Причина этого кроется в первую очередь в непоследовательности русского командования. В результате сложилась критическая ситуация на флангах Эриванского отряда. Растянутые русские коммуникации позволили туркам блокировать баязетскую цитадель, где к тому времени должность коменданта исполнял капитан Ф.Э. Штоквич. Силы были действительно неравны. На этот счет существуют разные мнения. Если силы русских (в воспоминаниях коменданта Баязета³⁶ и позднейших исследованиях по Русско-турецкой войне³⁷) приводятся примерно одинаковые: 1,5 тыс. чел. при 2-х орудиях, то при оценке сил турецкой армии существует полный разрыв. Историк В.А. Золотарев приводит цифры: в 6 тыс. чел. и 4 горных орудия³⁸. Штоквич в своих воспоминаниях называет цифру в 25 тыс. чел.³⁹ У страха, как известно, глаза велики. Истинная цифра как всегда находится посередине. В сытинской военной энциклопедии приводится цифра в 11 тыс. чел. и 11 орудий⁴⁰, точно такие же данные помещены в «Материалах для описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.»⁴¹. Вероятно, Федор Эдуардович был, мягко сказать, озадачен появлением неприятеля под стенами крепости и в определенной степени не контролировал ситуацию внутри самой цитадели. Более того, дисциплина гарнизона была не на высоте. Чего стоит только приказ №15 самого Штоквича от 20 июня 1877 г. «§1. Прапорщик 73-го пехотного Крымского полка арестовывается мною на 3 суток за нерадивое выполнение своих обязанностей как субалтерн-офицер»⁴². По всей видимости, нарушения воинской дисциплины были не единичны и приказы коменданта тому подтверждение⁴³. Необходимо также отметить, что в «Воспоминаниях» Штоквича ни разу не упоминается о подготовке Баязетской крепости к осаде, о складе провианта, который достался туркам и т.д. Рассказ же о том, как Федор Эдуардович Штоквич гордо отказал командиру черкесской кавалерии Гази Магомы-Шамилю капитулировать, который с таким пафосом перекочевывает из исследования в исследование⁴⁴ (хотя нигде нет ссылки относительно этого случая на какой-либо источник. – С.К.), не выдерживает никакой критики. В материалах Штоквича упоминания об этом нет. За основу взята речь коменданта перед гарнизоном 6-го июня 1877 г. «По полученным прежде сведениям, вся цель этой хищнической орды была

взять крепость Баязет и двинуться грабить Эриванскую губернию, которая осталась почти без войск, и вышло бы то, что другие отряды наши одерживают блистательные победы, а мы, напротив, посрамились навеки, допустив этих хищников в пределы отечества»⁴⁵.

Из-за беспечности гарнизонного начальства, в том числе и Штоквича, войска в крепости были доведены до крайности. Провизии на момент начала осады оставалось не более чем на три дня. Федор Эдуардович так описывает ситуацию в цитадели: «На 12-й день осады ни у одного из нас не было почти ни крошки хлеба, ни капли воды; больные только довольствовались $\frac{1}{4}$ ф. хлеба в день; голод и жажда напоминали о себе ежеминутно: мучения были страшными и невыносимыми. О палых лошадях нечего было и думать, они давно были съедены. Жажда при жаре доходила до того, что всякая жидкость не пренебрегалась нами, жидкость, о которой и помышлять было нельзя...»⁴⁶. Доставка воды в крепость требовала огромных усилий, каждый поход за ней грозил пленом или смертью. И таких случаев Штоквич приводит немало: «... в 10-ть часов началась охота за водой, зачастую и турецкая пальба, буквально осыпавшая траншею дождем пуль. Спустя час охота закончилась; каждая из партий принесла по 5–6 крышек протухлой воды...»⁴⁷.

На третий день блокады, когда изнурение от жары, голод и жажда начали доводить осажденных до полнейшего отчаяния, стали раздаваться голоса о сдаче крепости⁴⁸. В атмосфере всеобщего шока подполковник Пацевич, до того спокойно беседовавший под аркой ворот с комендантом Штоквичем и несколькими офицерами, при их же поддержке, а не единовластно, принимает решение о прекращении стрельбы, вывешивании белых флагов и сдаче. Это подтверждается в «Воспоминаниях» Г.И. Волжинского⁴⁹ и А. Хан-Агова: «Ко мне (имеется в виду Исмаил-Хан Нахичеванский. – С.К.) влетел вдруг артиллерийский офицер. Он был взволнован: «Пацевич поднял белый флаг, и огромная масса турок уже хлынула к воротам». После этого я выскочил во двор, где толпилась масса офицеров и солдат, и действительно вижу: на громадном шесте, прикрепленном к стене цитадели, высоко развевался белый флаг, а возле стоят Пацевич и несколько офицеров. «Господа, что вы делаете?! – крикнул я. – На то ли мы принимали присягу, чтобы малодушной сдачей опозорить себя и русское оружие?! Стыдно! Пока в жилах наших остается хоть капля крови, мы обязаны перед Царем бороться и отстаивать Баязет. Кто вздумает поступить иначе, тот – изменник, и того я прикажу расстрелять немедленно! Долой флаг, стреляй ребята!»⁵⁰.

Обескровленный гарнизон был спасен войсками генерала Тергукасова только 27 июня 1877 г. По этому поводу Штоквич отметил в сво-

их «Воспоминаниях»: «Продлись осада еще 5–6 дней – и весь гарнизон поголовно был бы мертв от голода и жажды, или же цитадель взлетела бы на воздух вместе с ворвавшимися в крепость турками»⁵¹. Несмотря на явно неудовлетворительную оборону крепости Баязет, ее комендант был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, чином майора и пожизненной пенсией в 1000 руб.⁵² В своих воспоминаниях Штоквич описывает, безусловно, оборону так, чтобы уйти от ответственности. По всей видимости, для этого он так красочно описывает подвиги солдат и служащих медицинского и интендантского состава отряда Баязетской крепости.

Большой интерес представляют воспоминания Николая Павловича Бетлинга⁵³. Хронологически источник охватывает боевые действия Эриванского отряда с июля по октябрь 1877 г. Доктор Бетлинг заведовал санитарным поездом при отряде, поэтому его мемуары в основном повествуют о действиях санитарного и врачебного персонала в ходе войны и практически нет описаний сражений.

Воспоминания Бетлинга ценны в силу двух обстоятельств. Во-первых, профессиональная медицинская деятельность предполагала способность дать оценку такой стороне боевой жизни, как санитарная часть. Во-вторых, непосредственно наблюдая за действиями Эриванского отряда, Николай Бетлинг достаточно подробно разобрался в недостатках медицинского дела.

Н.П. Бетлинг неоднократно подчеркивал – общее состояние санитарной части оставляет желать лучшего. Например, отправляя раненых солдат в тыл, где бы им была оказана квалифицированная помощь, Николай Павлович отмечал, что сделать это необходимо как можно быстрее, однако генерал Тергукасов предоставил совершенно негодные повозки и некачественных лошадей: «Мы двигались чрезвычайно медленно поминутно останавливаясь: то и дело по этой ужасной дороге ломались дышла у повозок, падали лошади...»⁵⁴.

Бетлинг сообщает о степени подготовленности врачебного и санитарного персонала к боевым действиям: «Несмотря на трудную работу, ни на одном из членов нашего отряда не было заметно усталости: все были веселы и работали с удовольствием. Причиной этого я считаю хорошую обстановку госпиталя и бодрый вид солдат. Раненые не падали духом, потому что видели все употребленные старания для облегчения их страданий: их всех вовремя подняли с поля битвы, аккуратно перевязали и вволю накормили. Медицинскому персоналу придавало энергию сознание, что он исполняет свой долг и имеет средства поставить раненых в благоприятные условия, какие только указаны наукой и гуманностью»⁵⁵.

Бетлинг довольно реалистично характеризует состояние санитарных дел в боевых частях.

В ряде случаев направленность его критических замечаний совпадает с оценками Х.Д. Алчевской⁵⁶ и В.Ф. Духовской⁵⁷, несмотря на то, что они находились на различных ступенях должностной иерархии.

Н.П. Бетлинг раскрывает еще одну сторону войны – панические настроения, причем не простого солдата, а генерала В.А. Геймана: «...который нас пугал тем, что будто бы вскоре должны прекратиться всякие сообщения между нами и Россией или, если не прекратятся, то сделаются крайне затруднительными; для нас это было тем опаснее, что нам необходимо было ехать на Игдырь через Драмдагский и Изорский перевалы, по которым в случае боев сообщение затруднительное... Я сказал генералу, что мои обстоятельства не позволяют выполнить его просьбу»⁵⁸.

Разумеется, воспоминания Н.П. Бетлинга в главном не выходят за рамки ура-патриотических взглядов на войну. Но их критический характер достаточно убедительно свидетельствует, что передовые представители русского общества видели как сильные, так и слабые стороны российской армии в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

Особое место в мемуарной литературе занимают воспоминания М.М. Поземковского⁵⁹. Поземковский неоднократно обращался к теме войны 1877–1878 гг. Михаил Михайлович участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. офицером 155-го Кубинского полка и помимо своих воспоминаний оставил несколько исследований⁶⁰. Однако сами по себе работы Поземковского носят скорее характер описания, нежели исследования. Автор прослеживает действия различных военных подразделений, обращая внимание на подробности походной жизни. В целом работы Поземковского носят фрагментарный характер и уступают другим военно-теоретическим работам того времени.

Совершенно иной характер носят его воспоминания. Одной из характерных черт мемуаров Михаила Михайловича Поземковского является описание чувств простого русского солдата перед боем. Причем автор отмечает, что у рядового состава практически не встречалось «шапкозакладательских» настроений, которые были так часты у командного состава. Например, при штурме крепости Карс солдаты не раз говорили: «...должно быть, Карц, братцы, страшно крепкое учреждение»⁶¹. Подобные утверждения встречаются и в других источниках⁶².

По всей видимости, на Поземковского оказало серьезное влияние литературное творчество Л.Н. Толстого, в частности его «Севастопольские рассказы». В ряде случаев Михаил Михайлович старается даже подражать Льву Николаевичу. Особенно это заметно при характеристике внутреннего, психологического состояния русского солдата: «...само собой

разумеется, нервная система человека испытывает такое страшное напряжение и сам он переполняется таким, гнетущим все его существо, чувством, о котором мое слабое перо, конечно, не дает читателю даже и приблизительного понятия... бывают минуты, когда храбрость человека обуславливается всецело степенью его бессознательности. И счастлив же тот субъект, которому бывает присуща эта бессознательность в подобные страшные минуты...»⁶³. Отношение же русского солдата к войне 1877–1878 гг. в изображении Поземковского было совершенно не типичным для большинства воспоминаний, не было слов об особом желании «освободить братушек». Мемуарист высказывает предположение, что русскому воинству надоела казарменная жизнь, все жаждала перемен⁶⁴.

Отличительной чертой мемуаров Поземковского является его желание посредством своих воспоминаний восстать против приукрашивания войны. Вообще Русско-турецкая война 1877–1878 гг. отличалась от предыдущих конфликтов тем, что, с одной стороны, ее освещение в изобилии преподносилось в печати, а с другой – имело место желание отечественных издателей изобразить столкновение с Турцией как некий забавный пикник, где главные герои поют, танцуют и иногда стреляют. В ряде изданий, например в «Иллюстрированной хронике войны»⁶⁵, события, изображавшие взятие Карса, представлены как лубочная картинка: «У художника наши батареи, например, были изображены изрыгающими страшный огонь по крепостным веркам, из-за которых виднелись какие-то стены с башнями, мечети, и все это было окутано страшным дымом с пламенем от разрывов гранат и бомб, попадающих непременно в вышеупомянутые постройки. Словом, картина выходила чрезвычайно страшная в лубочном значении этого слова и в высшей степени комичная по своей абсолютной неправде»⁶⁶. Но главное «преступление» Германа Гоппе (так звали художника), по мнению Поземковского, заключалось в том, что он являлся художником-корреспондентом «Всемирной иллюстрации» и знал историческую правду штурма Карса.

Михаил Михайлович был ярким противником недооценки профессиональности турецкой армии, чем грешила русская периодическая печать, журналы: «Кругозор», «Община», «Развлечение», «Славянский мир», «Чтение для солдат» и другие. Мемуарист заявлял: «Турецкие солдаты, как показал опыт, знали свое дело очень хорошо: два-три выстрела и снаряд их попадает прямо в бруствер нашей батареи»⁶⁷.

Тем не менее, воспоминания Поземковского обладают типичными для того времени недостатками. В частности, Михаил Михайлович избегает прямо критиковать главнокомандующего Кавказским фронтом и высших командиров, хотя у читателя не возникает никаких

сомнений насчет ответственности последних за крайне слабую эффективность действий штабных структур.

Большой интерес представляют страницы воспоминаний, где автор вступает в полемику с иностранными корреспондентами по поводу боевой подготовки русских войск к предстоящим сражениям. Причем объектом рассмотрения стали казачьи сотни. Характеристика их была нелицеприятная. По мнению иностранцев, казаки – это варварские орды, которые несут опустошение и гибель «всему цивилизованному»⁶⁸. На этот счет Поземковский придерживался четкой позиции и в противовес господам иностранным корреспондентам заявлял: «Нет, для того чтобы вполне оценить всю трудность казачьей жизни и службы, – нужно хотя бы раз взглянуть на ту обстановку, полную всевозможных лишений, среди которых эта жизнь и эта служба проходят. Тут даже такие органические потребности человека, как удовлетворение его голода, сон и возможность согреться и высушиться после проведенной под страшным дождем ночи где-либо на аванпостах, – даже такие, повторяю, потребности зачастую игнорируют совершенно благодаря обстоятельствам службы... Если условия мирной службы нашего казака, по рассказам знающих эту службу лиц, полны подчас таких лишений, рассказы о которых кажутся баснями, – то чего можно ожидать от этой службы в такое тревожное и трудное время, как военное?»⁶⁹.

Воспоминания Поземковского представляют достаточно материала и для заключения о том, что управление войсками даже на небольшом театре военных действий не отвечало требованиям времени. Он заявляет и о неумелой концентрации сил перед боем, неправильном распределении резервов во время сражения. И что совсем не характерно для большинства русских мемуаристов, это описание атмосферы в армии – чрезвычайно малой инициативности не только высшего командования, но и младших офицеров⁷⁰.

Среди мемуарной литературы, посвященной Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., существует немало анонимных материалов. В силу каких обстоятельств авторы старались не представлять свою фамилию, сказать трудно. По всей видимости, изложение событий выходило за рамки привычной концепции представления войны. К таким воспоминаниям относятся материалы одного из сослуживцев уже упоминавшегося в работе доктора Н.П. Бетлинга⁷¹. Воспоминания представлены в виде писем и хронологически охватывают период с 4 по 31 августа 1877 г. Автор воспоминаний являлся одним из младших докторов летучего санитарного отряда Мариинского комитета. В определенной степени эти воспоминания перекликаются с мемуарами Бетлинга. Они

начинаются с сетования на нерасторопность командования, на затяжку времени, что дает возможность туркам еще лучше подготовиться к предстоящей русской атаке. Желание русского командования вести боевые действия от обороны очень часто приводило к утрачиванию стратегической инициативы. И будь турецкие войска немного удачливее, то русским пришлось бы отступить, но командование османской армии оказалось еще менее активным, нежели русские. В результате чего анонимный автор указывает, что «...русский отряд стоит здесь уже давно, ожидая, что турки спустятся в долину; но они упорно остаются на горе, а мы ждем у моря погоды»⁷².

Другая характерная особенность мемуаров – это описание отношения русского командования к санитарным командам. Лазарет был создан только на бумаге, для отчета высшему командованию. Не существовало фактически ничего, ни транспортных средств для перевозки раненых, ни профессиональных врачей, ни даже в полном объеме перевязочных средств.

Большое внимание автор воспоминаний уделяет характеристике бивачной жизни. По сути, представлен весь распорядок дня. Единственно, что утомляет мемуариста, это бездействие: «Жизнь в лагере крайне однообразна; утром встаем в 7-м часу... принимаемся за чаепитие... Иногда бывает интереснее: приводят пленных лазутчиков или перебежчиков...»⁷³. Мемуары анонимного автора интересны не анализом боевых действий, описания «стычек», как называет их автор, в основном однообразны. В этом историческом источнике нет политических оценок, стратегических экскурсов или анализа деятельности полевого штаба, что характерно, например, для дневника князя Амилахвари⁷⁴ или воспоминаний В.П. Мещерского⁷⁵. Ценность «Писем врача с Кавказа» в том, что они созданы профессиональным военным медиком.

Достаточно объективен автор и в оценке противника, выделяя как сильные, так и слабые стороны турецкой армии. Причем в оценке слабых сторон русская и османская стороны шли параллельными линиями. Если в русском командовании господствовала неразбериха и военный бюрократизм, то и у турок было то же самое.

В воспоминаниях о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., принадлежащих перу различных авторов, были сформированы все главные направления в оценке событий конфликта. С одной стороны, позиция Скалона и Газенкампа или князя Шаховского, которая практически совпадала с официальной трактовкой событий. С другой стороны, более серьезная, хотя и менее разработанная тема – изложение войны 1877–1878 гг. с точки зрения простых ее участников: офицеров в невысоких армейских чинах, рядовых солдат, врачей, сестер милосердия и

др. Именно последними дается более правдивая трактовка военных событий.

Анализ источников личного происхождения, посвященных Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., показывает, что при русской армии были люди, которые сумели достаточно точно вскрыть основные просчеты и ошибки русского военного командования. Причем ни один из авторов мемуаров не поставил под сомнение героизм русского солдата, поэтому не стоит делить мемуарную литературу Балканской войны 1877–1878 гг. на информативную и неинформативную, чем так грешат современные исследователи. Именно такое деление само по себе искажает историческое прошлое.

Примечания

- 1 См.: *Газенкамф М.А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908; *Милютин Д.А.* Дневник: В 4 т. М., 1947–1950; *Паренсов П.Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба: В 5 ч. СПб., 1901–1908; *Скалон Д.А.* Мои воспоминания 1877–1878 гг.: В 2 т. СПб., 1913.
- 2 *Градовский Г.К.* Война в Малой Азии в 1877 году. Очерки очевидца. СПб., 1878.
- 3 Правила состояли из четырех пунктов:
а) не сообщать никаких сведений о расположении и численности войск, а равно никаких предположений относительно предстоящих действий под угрозой высылки из армии;
б) доставлять лицу, на которое будет возложена обязанность следить за содержанием корреспонденций, все №№ газет, в которых они будут напечатаны;
в) о каждой перемене своего местопребывания доносить записками в штаб армии;
г) иметь на левом рукаве особый наружный знак, крупную бляху из листовой меди с орлом, номером, надписью «корреспондент» и с печатью полевого комендантского управления армии, а также иметь всегда при себе фотографический портрет, на оборотной стороне которого, за печатью того же комендантского управления, должно было быть удостоверение личности корреспондента» (*Апушкин В.А.* Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. №7. С. 199–200).
- 4 Военная энциклопедия / Под ред В.Ф. Новицкого: В 18 т. СПб., 1911. Т. 13. С. 199.
- 5 Это, несмотря на то, что «Временные правила» о цензуре от 6 апреля 1865 г., которые несколько смягчали знаменитый николаевский «Чугунный устав», отменяли предварительную цензуру для изданий общим объемом в 10 печатных страниц и периодических изданий в Петербурге и Москве.
- 6 *Апушкин В.А.* Г.К. Градовский, гласность и война // Публицист – гражданин: Литературный сборник, посвященный памяти Г.К. Градовского. Пг., 1916. С. 97.
- 7 См.: *Золотарев В.А., Межевич М.И.* История нелегкой победы. М., 1979; *Золотарев В.А.* Россия и Турция: война 1877–1878 гг. М., 1983; *Золотарев В.А.* Про-

- тивоборство империй. Война 1877–1878 гг.: апофеоз восточного кризиса. М., 2005.
- 8 Градовский Г.К. Из воспоминаний военного корреспондента // Киевлянин. 1902. 12 апр.
- 9 Цит. по: Апушкин В.А. Г.К. Градовский, гласность и война... С. 95–96.
- 10 См.: Апушкин В.А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе... С. 206–207.
- 11 Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 34–35.
- 12 Там же. С. 28.
- 13 Апушкин В.А. Г.К. Градовский, гласность и война... С. 101.
- 14 См.: Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 19–28.
- 15 Апушкин В.А. Г.К. Градовский, гласность и война... С. 102; Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 171.
- 16 См.: Шаховской Л.В. С театра войны 1877–78 гг. Два похода за Балканы. М., 1878. С. 3–21.
- 17 Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 167–168.
- 18 «Когда в Александрополе услышаны были первые выстрелы со стороны Башкадыклара, 14-го июня, в тот же день, вечером, в городском населении сложился уже безобразный рассказ о нападении турок на наш авангард, причем, будто бы, мы понесли убыль в 1000 человек. Даже цифра, и, как видится некая, оказалась в пламенном воображении александропольцев! Мой спутник, американец, всполошился уж было немедленно, ночью, ехать в лагерь, так как эту крупную новость, в виде достоверного известия, передал ему один казачий офицер. Не без труда пришлось мне убедить г. Уиллера во всей невероятности этого «достоверного известия». Каноада длилась полчаса, может час; в такой короткий промежуток невозможно лишиться 1000 человек, если не предположить в нашем лагере безумцев; наконец, подобная потеря не могла быть приведена в известность так скоро, тем менее ее имели бы возможность в тот же день узнать в Александрополе... Возвратившись в лагерь, мы узнали, что 14-го июня наши войска производили рекогносцировку правого турецкого фланга и что наша убыль состояла из двух или трех раненых казаков. Полагаю, этот пример не нуждается в комментариях» (Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 168–169).
- 19 Там же. С. 168.
- 20 См.: Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912; Андреевский Е.К. Из воспоминаний о генерал-адъютанте П.С. Ванновском // Исторический вестник. 1909. Т. 116, №6; Гаусман А.К. Описание действий летучих санитарных отрядов Общества Красного Креста в отряде генерала Гурко. СПб., 1878; Из воспоминаний студента-медика // Сборник военных рассказов. Составленные офицерами-участниками войны 1877–1878 гг.: В 6 т. СПб., 1879. Т. 2; Невежин П.М. В бою и другие рассказы. М., 1908; Рассказ о деятельности сестер милосердия Крестовоздвиженской общины в минувшую войну // Там же. Т. 6.
- 21 Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 247.
- 22 Там же. С. 165.
- 23 «После зевинского боя раненые были собраны к утру, но при уходе за ними, ни при передвижении их, общества «Красного Креста» не было. Существовал, правда, какой-то «уполномоченный»; но у него кроме небольшой дорожной сумки ровно ничего не имелось. В Кюрюк-Дара уже несколько недель, как общество «Красный Крест» блистает своим отсутствием. На днях приезжал сюда г. Петлин, приглашенный из Петербурга от главного управления общества попечения о раненых и больных воинах. Кажется, благодаря только его настоянию, к нам явился санитарный отряд из Москвы, снаряженный под управлением г. Всеволожского» (Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 165).
- 24 Тергукасов Арзас Артемьевич (1819–1881), генерал-лейтенант (1879). Участник Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войн, кампаний против горцев. С 1859 г. командир Апшеронского пехотного полка, с 1865 г. помощник начальника 19-й пехотной дивизии, с 1869 г. генерал-майор, командовал 38-й пехотной дивизией, с 1878 г. начальник Кавказской гренадерской дивизии, с 1879 г. командир 2-го Кавказского армейского корпуса. Отряд генерала Тергукасова общей численностью 6 тыс. чел. действовал против основных сил Мухтара-паши.
- 25 Апушкин В.А. Г.К. Градовский, гласность и война... С. 105.
- 26 Там же. С. 106.
- 27 Градовский Г.К. Во время военных неудач // Градовский Г. К. Итоги. Киев, 1908. С. 413–414.
- 28 Яковлев О.А. Военные корреспонденты России. СПб., 1982. С. 63.
- 29 Там же.
- 30 Цит. по: Яковлев О.А. Указ. соч. С. 63.
- 31 Градовский Г.К. Из военных событий в Малой Азии // Градовский Г.К. Итоги. Киев, 1908. С. 108.
- 32 Цит. по: Апушкин В.А. Г.К. Градовский, гласность и война... С. 109–110.
- 33 Штоквич Ф.Э. Картинки боевой жизни (Из посмертных записок) // Русская старина. 1897. Т. 90. С. 55–66.; Он же. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели (Дословный рассказ майора Штоквича, 30 апреля 1878 г.) // Антонов В.М. 23-х дневная оборона Баязетской цитадели и комендант Федор Эдуардович Штоквич. (Материалы к истории Баязетской осады). СПб., 1878. С. 38–47.
- 34 Баязет (современный Догубаязит), город на северо-востоке Турции. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. отряд русских войск (около 1650 чел.) 6(18) июня 1877 г. был осажден в Баязете турецким отрядом Фаик-паши (11 тыс. чел.) и выдержал 23-дневную осаду.
- 35 Мухтар-паша Г.А. История Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Анатолии / Пер. с тур. // Военно-исторический сборник. 1914. №2. С. 207.
- 36 Штоквич Ф.Э. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели... С. 28–39.
- 37 См.: Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 298.; Золотарев В.А. Противоборство империй... С. 97–98.; Русско-турецкая война 1877–1878 / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1977. С. 213.

- ³⁸ Золотарев В. А. Противоборство империй... С. 98.
- ³⁹ Штоквич Ф.Э. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели... С. 20.
- ⁴⁰ Военная энциклопедия. Т. 4. С. 380–382.
- ⁴¹ Материалы для описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре, с планами. СПб., 1904–1910. : В 7 т. Т. IV. С. 287.
- ⁴² Штоквич Ф.Э. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели... С. 26. Унтер-офицер 8-й роты 73-го пехотного Крымского полка Петр Невинский распустил караул.
- ⁴³ Там же. С. 27. В §2 в Приказе №15 от 20 июня 1877 г. отмечалось: «Предупреждаю всех гг. офицеров, что каждый офицер, а в особенности офицер дежурной части, должны быть самыми деятельными помощниками своих ротных и сотенных командиров и повиноваться беспрекословно всем их приказаниям, в противном случае офицер,слушавший или нехотя выполнивший приказание, будет предан суду» (Штоквич Ф.Э. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели... С. 27).
- ⁴⁴ Русско-турецкая война 1877–1878... С. 214–215.
- ⁴⁵ Штоквич Ф.Э. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели... С. 21.
- ⁴⁶ Там же. С. 42.
- ⁴⁷ Там же. С. 43.
- ⁴⁸ См.: Иванов Р. Оборона Баязета: правда и вымысел // Независимая газета 2003. №42; Несвицкий А. К правде и вымыслу об обороне Баязета // Независимое военное обозрение. 2000. №12.
- ⁴⁹ Волжинский Г.А. Освобождение крепости Баязета от блокады турок. Из боевых и военно-походных воспоминаний о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Варшава, 1911. С. 24.
- ⁵⁰ Хан-Агов А. Баязидское славное сидение с 5-го по 28-е июня 1877 г. // Русская старина. 1878. Т. 22, № 7. С. 455–460.
- ⁵¹ Штоквич Ф.Э. Картинки боевой жизни... С. 65.
- ⁵² См.: Военная энциклопедия. Т.4. С. 380–382.
- ⁵³ См.: Бетлинг Н.П. Записки доктора Н.П. Бетлинга, заведовавшего летучим санитарным отрядом Мариинского комитета Общества попечения о раненых и больных воинах в войну 1877–78 годов. М., 1856.
- ⁵⁴ Там же. С. 22.
- ⁵⁵ Там же. С. 25.
- ⁵⁶ См.: Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое. Дневники. Письма. Воспоминания. М., 1912. С. 42–62.
- ⁵⁷ См.: Духовская В.Ф. Из дневника русской женщины в Эрзеруме во время военного занятия его в 1878 г. // Русская старина. 1898. Т. 136, №8; Т. 138, №11.
- ⁵⁸ Бетлинг Н.П. Указ. соч. С. 37.
- ⁵⁹ Поземковский М.М. На батареях и в траншеях. (Картины боевой жизни под Карсом) // Сборник военных рассказов. Т. 5. С. 260–269.
- ⁶⁰ Поземковский М.М. Описание боевой деятельности в 1877–1878 гг. 155-го пехотного Бакинско-Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка. Тифлис, 1888; Он же. Описание боевой жизни 155-го пехотного Кубанского полка в минувшую войну 1877–1878 годов. Тифлис, 1881.
- ⁶¹ Поземковский М.М. На батареях и в траншеях... С. 261.
- ⁶² Сборник солдатских сочинений. СПб., 1885. Вып. 1. С. 4–29.
- ⁶³ Поземковский М.М. На батареях и в траншеях... С. 262.
- ⁶⁴ Там же. С. 260. Подобные замечания параллельно М.М. Поземковскому высказывает в своих воспоминаниях А.А. Брусилов: «Впрочем, нужно правду сказать, что едва ли кто-либо был особенно воодушевлен мыслью идти драться за освобождение славян или кого бы то ни было, так как целью большинства была именно самая война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо, содержание получается большое, а вдобавок дают и награды, что для большинства было делом весьма заманчивым и интересным.
- Что же касается нижних чинов, то думаю, что не ошибусь, если скажу, что более всего радовались они выходу из опостылевших казарм, где все нужно делать по команде; при походной же жизни у каждого – большой простор. Никто не задавался вопросом, зачем нужна война, за что будем драться и т. д., считая, что дело царю – решать, а наше – лишь исполнять. Насколько я знаю, такие настроения и мнения существовали во всех полках Кавказской армии» (Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 21).
- ⁶⁵ Иллюстрированная хроника войны. СПб., 1877–1888. Т. 1–2.
- ⁶⁶ Поземковский М.М. На батареях и в траншеях... С. 265–266.
- ⁶⁷ Там же. С. 267.
- ⁶⁸ Там же С. 268.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. С. 261.
- ⁷¹ Из писем врача с Кавказа // Сборник военных рассказов. Т. 5. С. 252–259.
- ⁷² Там же. С. 253.
- ⁷³ Там же. С. 254–255.
- ⁷⁴ Амилахвари И.Г. Дневник князя Амилахвари. Тифлис, 1909. С. 417–919.
- ⁷⁵ Мецкерский В.П. Кавказский путевой дневник. СПб., 1878. «На основании слышанных мною рассказов я составил себе о событии штурма такое представление. После последней Авлиарской победы осторожный Лорис-Меликов высказал мнение, что теперь, ввиду наступившей зимы, следует войскам отойти от Карса и перейти на зимние стоянки, то есть, другими словами, отложить военные действия до весны и дать турецким войскам отдохнуть, оправиться и укрепиться. Мнение это нашло сочувствие в одних и протест в других. Всех решительнее протестовал любимец войск, генерал Лазарев, который настаивал на том, что Карс можно взять и что именно теперь, после нанесенных туркам последних поражений, самая удобная минута для решительных действий. Великий князь созвал военный совет. На нем, как рассказывали, когда Лорис-Меликов спросил у Лазарева: где же его план штурмования Карса? – он взял лист белой бумаги и, отдав Лорис-Меликову, сказал: вот мой план. На этом совете убежденность и энергия Лазарева взяли верх над всеми

другими соображениями, и великий князь поручил Лазареву повести этот штурм. Когда это было решено и начальство над штурмом отдано было Лазареву, многие говорили, что половина дела уже сделана – до того вера войска в Лазарева и любовь к нему были

велики. Мысль о ночном штурме тоже вызвала в среде военного совета оживленные споры, но и тут великий князь дал перевес голосу Лазарева, считавшего ночь одним из главных условий успеха» (*Мецкерский В.П.* Воспоминания. М., 2001. С. 394).

УДК 343.123.52 (470 – 82) (09)

«МЕЖДУ НАКОВАЛЬНОЙ ЗАКОНА И МОЛОТОМ ИСТОРИИ»: УЧРЕЖДЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ю.В. Варфоломеев

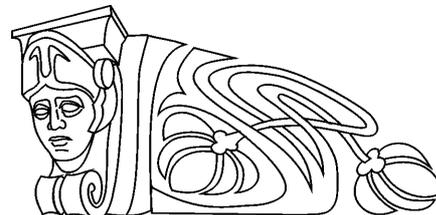
Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

Статья посвящена проблеме создания и деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК). Исследуются причины учреждения комиссии в марте 1917 г., ее цели и задачи, организационная структура и кадровый состав. Автор обращает внимание на то, что работа комиссии проходила в острой и противоречивой революционной обстановке. В статье анализируется концепция председателя комиссии Н. К. Муравьева, видевшего смысл ее работы в юридической «ликвидации» старого режима, а также исследуется правовая парадигма новой власти, основанная на приверженности соблюдению законов, и опровергается характеристика комиссии как карательного органа. Вместе с тем подвергнуты критике взгляды историков, видевших основную цель ЧСК в исполнении идейно-политического заказа Временного правительства для обоснования легитимации своей власти, и сделан вывод о том, что за короткий срок и в сложнейшей военно-политической обстановке ЧСК выполнила огромный объем работы. В связи с этим говорить о провале деятельности комиссии неправомерно, так как у нее был высокий профессиональный потенциал и многообещающие перспективы, но ее работа была прервана Октябрьским государственным переворотом.

«Between an Anvil of the Law and Ground Histories»: Establishment of Extreme Committee of Inquiry of Vremennoye Government»

Y. V. Varfolomeev

Clause is devoted to a problem of creation and activity of Extreme committee of inquiry of Vremennoye Government. In work the reasons of establishment of the committee in March, 1917, its purposes and a problem, and also organizational structure and personnel structure are investigated. The author pays attention that work committee passed in sharp and inconsistent revolutionary conditions. In clause the concept of chairman committee of N. K. Murav'eva seen sense of its work in legal "liquidation" of an old mode also is analyzed, and also the legal paradigm of new authority based on adherence to observance of laws is investigated, and the characteristic of the commission, as retaliatory body is denied. At the same time, in clause are criticized sights of the historians seen basic purpose Extreme committee of inquiry in execution of the ideological and political order of Vremennoye

Government for a substantiation legitimate of the power. In clause it is drawn a conclusion that for short term, and in the most complicated military-political conditions committee has performed huge volume of work. In this connection to speak about a failure of activity of the commission it is wrongful, as it had high professional potential and promising prospects, but its work has been interrupted by October revolution.

Одним из приоритетных по времени и значимости распоряжений Временного правительства стало учреждение Чрезвычайной следственной комиссии¹. Уже на второй день, после того как был сформирован кабинет министров, А. Ф. Керенский в беседе с корифеем русской адвокатуры Н. П. Карабчевским назвал одной из первоочередных задач новой власти «...не терпящее ни малейшего отлагательства»² учреждение Чрезвычайной следственной комиссии для расследования деятельности бывших царских министров и других высших должностных лиц. Пожалуй, наиболее точно новоиспеченный министр сформулировал свои ожидания по поводу предстоящей деятельности комиссии в ответе на вопрос С. В. Завадского: «...ждет ли он <...> строго судейского отношения к делу, или чего-нибудь иного?». Отвечая на этот принципиальный вопрос, Керенский просто и, как показалось сенатору, искренно сказал, что «...желает только раскрытия правды (здесь и далее подчеркнуто мною. – Ю. В.)»³.

В доверительной беседе с Карабчевским министр юстиции сообщил также, что он уже нашел подходящего кандидата на пост председателя этой комиссии – известного политического защитника Н. К. Муравьева. «В прошлые времена, – с деланным юмором заметил Керенский, – трепетали перед Муравьевым-Виленским, пусть же теперь и наш Муравьев нагонит трепета»⁴. Конечно же, Керенский имел в виду трепет низвергнутых сановников не от репрессий, а перед объективным, беспристрастным расследованием и справедливым судом, которые основаны на приоритете законности. Но, думается, еще более глубокий смысл вложил в понятие «трепет» его коллега Муравьев: «Без трепетного искания истины представителями общества невозможно отправление правосудия»⁵. Судя по всему, как раз